

Виктор Шкловский в 1920-1930-е годы: от теории литературы к культурному строительству.

Существующие исследовательские нарративы предпочитают рассуждать о Викторе Шкловском исключительно или как об авангардном литературном теоретике (Виктор Эрлих, Оге Ханзен-Леве), или же — как о заметном участнике раннесоветского литературного процесса (Питер Стайнер, Катрин Депретто). В то время как прочие исследовательские, теоретические и культурные проекты Шкловского, по сути дела, так и остаются без должного аналитического внимания.

Отчасти это связано с тем, что многие из текстов Шкловского — и прежде всего, середины и второй половины 1920-х годов — так и не были републикованы и введены в научный оборот, остались «пылиться» на страницах старых, и поэтому уже малодоступных газет и журналов. В свою очередь, это привело к тому, что Шкловский стал читаться ограниченным и специфическим образом: отсутствие доступа к части теоретического и литературного наследия автора — деструктивно повлияло и на общее о нем концептуальное представление.

В последние годы, — и в том числе, в связи с выходом нового собрания сочинений Шкловского, — ситуация, тем не менее, стала несколько меняться. В частности, стали известны работы Шкловского, в которых он выступает не столько как теоретик формализма или как представитель ЛЕФа, сколько как институциональный критик («Издание текстов классиков», 1919; «Книги в России», 1922) и даже как социолог литературы («В защиту социологического метода», 1927; «О самом знаменитом писателе», 1928).

Оказалось, что именно в 1920-е годы Шкловский активно обращается к аналитике литературного производства в связи с различными внеэстетическими или, собственно, внелитературными факторами. Его начинают интересовать не только законы, по которым строится литературное письмо, но уже и социальные, экономические и даже материальные аспекты литературного творчества и литературной культуры как таковой («Журнал как литературная форма», 1924; «Факт быта и факт литературный», 1929). Кроме того, Шкловский обнаруживает в себе желание и некоторым образом повлиять на формирование новой советской культуры, принять непосредственное участие в революционном культурном строительстве («О писателе и производстве», 1927).

Моя будущая диссертация, таким образом, будет посвящена описанию именно этих, прежде почти неизвестных, работ Шкловского и других его проектов, включенных в процесс «строительства новой культуры», а также реконструкции внутренних мотивов и внешних контекстов поворота Шкловского — от «чистой» теории литературы к более сложному и комплексному пониманию и определению литературы, в том числе, и как своего рода культурной индустрии; встроенной, в

свою очередь, также и в порядок производства и воспроизводства общественного и политического порядка.

Кратко представляя структуру будущей работы, отмечу, что она, скорее всего, будет состоять из трех глав. В первой главе будут представлены и описаны работы Шкловского рубежа 1910-1920-х годов, когда впервые фиксируется его интерес к институциональной критике — и когда Шкловский начинает экспериментировать с возможностями критического письма в целом («Что поют на фронте», 1920). Вторая глава будет посвящена описанию непосредственно концепции «социологии литературы», как она фиксируется в текстах Шкловского середины 1920-х. Речь при этом пойдет не только о Шкловском, но и о том, как эта проблематика отражается в текстах и других формалистов; в первую очередь — Бориса Эйхенбаума и Юрия Тынянова, поскольку во многих отношениях этот переход от теории литературы к более общему и системному взгляду на литературу и культуру был результатом совместной работы этой «группы». Последняя же глава будет рассказывать о том, как в конце 1920-х — начале 1930-х годов Шкловский рефлексировал о возможности изменения уже самих социальных и институциональных оснований литературного творчества — и для чего он, в частности, обращается к педагогическому и риторическому дискурсам («Техника писательского ремесла», 1927; «Как мы пишем», 1930; «Как писать сценарии», 1931).

Проведение исследования такого типа — на мой взгляд — позволит как обозначить новый способ изучения интеллектуальной траектории непосредственно Шкловского, так и переосмыслить его место и значение в границах истории как раннесоветского (Сергей Третьяков, Борис Арватов), так и общеевропейского (Вальтер Беньямин, Бертольд Брехт, Зигфрид Кракауэр) авангардов.